

Ду Чэн отмахнулся:

— Не нужно отдавать сразу. Завтра или послезавтра, когда они доставят всё сюда, сначала выдайте им тысячу цзиней зерна любого вида. Остальное мы можем компенсировать излишками еды, которые у нас есть в наличии, а потом обговорим, во сколько это обойдётся по сниженной стоимости. Если этого всё равно не хватит, можно будет постепенно довезти с будущих урожаев.

— И так можно? Они на это согласятся? — удивлённо спросил Нин Сяовэнь.

Ду Чэн усмехнулся:

— Конечно согласятся. Нас в семье всего четверо, если действительно не сможем вернуть зерно, они просто постепенно спишут его с кредитных баллов.

— Ещё и в долг дают? Получается, если у кого-то не хватает кредитных баллов, можно просто взять в долг и потом потихоньку выплатить? — Нин Циянь тоже был немало удивлён.

— Тут ещё надо смотреть, кто просит в долг. Обычным людям, конечно, не разрешат, но когда мы оформляли заказ у военных, они напрямую проверили всю нашу историю сделок после землетрясения. Мы тогда очень быстро арендовали жильё и купили солнечные батареи — учитывая это, они и позволили нам взять в долг.

Ладно, оказалось, что им помогла хорошая репутация в прошлом.

43. Сделка

Упменные за хогоао* четверо мужчин сидели раскрасневшиеся и потные. Убрав со стола, Нин Сяовэнь снова пошёл перевернуть вылившееся мясо.

— Сколько оно уже вялится? Почти готово? — глядя на подвешенное на каркасе мясо, спросил Бородач, прислонившись спиной к стене во дворе.

— С чего бы? Прошло всего полдня, придётся вялить как минимум до завтрашнего полудня, только тогда весь этот каркас можно будет считать готовым.

Бородач посмотрел на мясо и мысленно прикинул, что изначально они засолили больше четырёх банок...

Нин Циянь вышел с небольшим тазиком вымытого боярышника:

— Вы только что наелись мяса, поешьте боярышника, чтобы лучше переварилось.

Бородач взял ягоду, испытывая некоторое внутреннее сопротивление. С чего бы кому-то есть сухой боярышник просто так, если он не беременная женщина?!

— Разве у нас нет мандаринов? Можем поесть и мандаринов.

— От хогоао поднимается жар, а от мандаринов жар только усилится. Лучше ешь свой боярышник и не выдумывай! — бросил Нин Сяовэнь, закончив с мясом и усаживаясь рядом.

Бородач тяжело вздохнул, закинул в рот одну ягоду, надкусил — и его лицо мгновенно скривилось.

Ужасно кислый!

Проглотив то, что было во рту, он решил, что ни за что больше не станет есть сырой боярышник — от такой кислоты все зубы сведёт.

— Как там Ван Ян и остальные? Появилась ли в городе новая политика? — в отличие от Бородача, не столь боявшегося кислоты, Нин Циянь взял одну ягоду и принялся её медленно жевать.

— У Ван Яна всё в порядке, рана Янь Юя тоже заживает неплохо, он уже может немного двигаться на новом месте. К тому же ещё до нашего возвращения в университетском городке починили отопление, и если за эти дни пробный запуск пройдёт без проблем, они смогут вернуться. Кроме того, вышел указ о заселении университетского городка для обогрева. Как рассказал Ван Ян, те, кому меньше 12 лет, старше 60, а также беременные женщины и раненые могут заселиться туда бесплатно, им даже будут предоставлять трёхразовое питание. Сироты в возрасте от 12 до 18 лет, у которых точно не осталось в живых прямых родственников, тоже могут заселиться бесплатно, однако выдаваемые им ежедневные кредитные баллы будут уменьшены: теперь один балл выдаётся на два дня, а урезанная часть пойдёт на оплату ежедневных котловых обедов из трёх блюд. Здоровые взрослые от 18 до 60 лет, вроде нас, тоже могут туда перебраться, но каждый должен сдать триста цзиней зерна; на время проживания правительство не начисляет кредитные баллы, к тому же предоставляется всего одно приём пищи в день, — рассказал Ду Чэн.

— Весь университетский городок починили? — изумился Нин Циянь. Раньше он думал, что, как и в прошлой жизни, удастся разместить только наименее защищенные слои населения, но никак не ожидал, что пустят даже взрослых. Хотя и требовалось сдать зерно и самим заботиться о пропитании, среди выживших жителей города Д всегда находились те, у кого зерна было в избытке.

— Всё починили, во всём университетском городке можно жить. За эти дни должны закончить подсчёт тех людей в горах, кто сможет туда перебраться. Наверное, как только вернется

первая партия горожан, они сразу заберут здешних людей и перевезут туда. У Ван Яна Янь Юй из-за ранения должен заселиться бесплатно, они также говорят, что попытаются как-то оставить в университетском городке двух девушек — Ван Юаньюань и Лю Цзя. Да, кстати, те, кто останется жить в университетском городке, смогут одновременно получить триста зимних кредитных баллов. Вдобавок к обычным выплатам один балл можно будет обменять на один цзинь угля для повседневного обогрева.

Судя по этому, даже оставшись в горах, с углём и подобранным на склонах хворостом зиму можно будет кое-как пережить.

Думая об этом, он надеялся, что в этот раз не повторится то, что было до перерождения, когда за одну зиму тихо и незаметно погибли сотни тысяч человек...

Тридцатого ноября наконец доставили те восемьдесят ламп, что заказали Ду Чэн и остальные.

Накануне четверка воспользовалась перерывом в заготовке мяса и разобрала часть продовольствия, предназначенного для обмена. Изначально, если немного ужаться, отбросив личные нужды на еду и посев, можно было выделить две тысячи цзиней риса и муки, а добавив остальные крупы, набрать две с половиной тысячи цзиней труда не составляло. Но, учитывая, что в будущем правительственных запасов зерна может не хватить, а собственный урожай вдруг окажется плохим, отдавать так много было нельзя. В итоге общая сумма запасов составила тысячу пятьсот цзиней зерна, а вместе с неизрасходованной лапшой быстрого приготовления, печеньем и прочей едой набралось тоже немало.

Первым делом взвесили зерно. Убедившись в весе, Нин Циянь и Нин Сяовэнь принялись вместе с пришедшим принимать груз офицером рассчитывать, сколько оставшейся еды пойдёт в зачёт по сниженной стоимости.

— Двадцать ящиков лапши быстрого приготовления по 24 пачки, по цене пункта обмена: за один кредитный балл дают две пачки, двадцать ящиков — это 240 цзиней зерна. Пятнадцать коробок печенья в индивидуальной упаковке — это 380 цзиней зерна. Вся эта рассыпная мелочь считается по пять пачек за кредитный балл, в сумме получается... 70 кредитных баллов. Тут ещё и овсяные хлопья? Детское питание для пожилых? Вы что, тогда разграбили небольшой супермаркет?! — делая пометки в журнале, с изумлением воскликнул офицер.

Нин Циянь и не думал отрицать. То, что они достали, действительно было собрано в те дни, когда они наткнулись на маленький магазинчик. Всё, что они могли съесть сами, уже отложили, а оставшееся, судя по всему, испортилось бы раньше, чем они успели бы это прикончить, так что лучше было обменять.

После подсчета всего объёма товаров вышло, что по заниженной стоимости они могут зачесть тысячу шестьсот цзиней зерна. Вместе с ранее подготовленной тысячей пятьюстами цзинями до общей суммы в четыре тысячи не хватало ещё девятисот цзиней.

Домашней тушёнки, вяленого мяса, солёных утиных яиц и прочего у них было полно, и съесть

это всё они бы не успели, но происхождение этих продуктов никак нельзя было объяснить. Особенно мясо: сейчас в дефиците были абсолютно все, и если бы они предъявили ещё какие-то излишки для зачёта, это привлекло бы слишком много внимания.

Если совсем припрёт, девятьсот цзиней можно оставить в долг — в конце концов, оформляя заказ, они сами давали согласие на частичную рассрочку.

Однако офицер, бросив взгляд на вещи, которые солдаты укладывали в мешки для спуска с горы, сделал подсказку:

— А вы, когда собирали всё это, сигареты и алкоголь случайно не захватили?

Нин Циянь остолбенел.

— Захватили, — только и произвел он, как до него мгновенно дошло. — Алкоголь и сигареты тоже идут в зачёт?

Офицер повеселел:

— А почему бы им не идти в зачёт? Сейчас спиртное ценится ещё выше — им можно и согреться, и раны дезинфицировать. Сигареты тоже неплохи, особенно среди заядлых курильщиков, которые при любой возможности копят табак. Скажу прямо: когда в будущем зерна станет вдоволь, алкоголь можно будет производить заново, а вот с сигаретами дела обстоят туго. Это ведь не предмет первой необходимости, так что в ближайшие несколько лет об этом можно забыть. Если же восстановление общества пойдёт ещё медленнее, то и за десяток лет производство не наладят.

Нин Циянь переглянулся с Ду Чэном и сказал офицеру:

— Тогда подождите немного, мы принесём табак и алкоголь.

С этими словами он потянул Нин Сяовэня в сторону платформы, а Ду Чэн и Бородач остались у входа в пещеру, чтобы закрыть рабочих от посторонних глаз.

Отперев железную дверь и спустившись по веревочной лестнице на платформу, они вошли в пространственное хранилище. Алкоголь и сигареты они взяли среднего и низкого качества — как и сказал офицер, сигареты в ближайшее время выпускать не будут, а условия для производства хорошего алкоголя слишком суровы, так что оба эти товара будут только дорожать. Но из четырёх взрослых мужчин в их доме курил только Бородач, да и то изредка, когда валился с ног от усталости или под влиянием сильного стресса, а Ду Чэн составлял ему компанию; на двоих они выкуривали меньше пачки в год, а пили и того реже. Часть элитного алкоголя они решили оставить про запас — для роста в цене, а остального хватит не только на этот раз, но, возможно, и на будущие обмены зерна.

Вернувшись в пещеру, Нин Циянь поставил прямо перед офицером рюкзаки, которые они с Сяовэнем несли за спиной.

— Этого хватит?

У алкоголя спектр применения был шире, поэтому Нин Циянь принёс целый ящик, остальное оставил на потом, но больше всего оказалось именно сигарет.

Офицер присел на корточки, бегло перевернул содержимое и улыбнулся:

— Более чем достаточно, столько даже не понадобится.

— Ну тогда выбирайте на своё усмотрение.

В конце концов, оставшиеся девятьсот цзиней долга полностью закрыли всего одним ящиком белой водки и тридцатью шестью блоками сигарет.

После полного расчета офицер вместе с последней партией солдат, переносивших груз, взвалил на плечи обменные вещи и спустился с горы.

Как только они ушли, четверо мужчин принялись заносить во входы лампы и провода, что лежали во дворе.

Солдаты пришли рано, и к моменту завершения сделки едва забрезжил рассвет. Наверное, они тоже опасались, что Нин Циянь и остальные демонстрируют своё богатство чужим глазам, поэтому поспешили завершить обмен до того, как основные силы вернутся в горы, и даже до того, как проснулись дежурные из местных.

Восемьдесят больших ламп выглядели компактно, но переносить их оказалось не слишком удобно — за раз удавалось унести максимум по одной в каждой руке. Сделав бесчисленное количество ходок туда-обратно, они наконец затащили всё в пещеру.

Внутри пещеры дело пошло быстрее. Свободное пространство в пространственном хранилище пока было ограничено, разложить лампы ровным слоем удавалось лишь по десятку за раз, и после шести-семи рейсов Нин Циянь перебросил их на платформу.

— Вот так бросить их здесь тоже нельзя! — поморщился Бородач, оглядывая гору вещей.

Физическая нагрузка была немалой, поэтому Нин Циянь и Нин Сяовэнь покраснели от жары и пока не чувствовали холода. Стоя перед лампами, они переводили взгляды на платформу.

Изначально они вовсе не планировали заниматься земледелием на платформе этой зимой; даже когда они искали плёнку и осветительные приборы, задумка была в том, что если температура в пространстве упадёт слишком сильно, они хотя бы разобьют теплицу прямо во дворе внутри пространства, чтобы у семьи гарантированно были свежие овощи всю зиму. Но сейчас выяснилось, что места в пространстве маловато и разместить всё там не получится. К тому же — кто знает, не испортится ли проводка из-за долгого воздействия экстремально низких зимних температур? Если эти лампы ценой в четыре тысячи цзиней зерна за зиму выйдут из строя от холода, убытки будут колоссальными.

— Не будем загадывать, какая выдастся зима. Даже до землетрясения в наших краях зимой не занимались земледелием. Если ничего другого не останется, можно расчистить кладовую в хранилище, а уголь, дрова и прочие морозостойкие вещи вывалить наружу. Лампы убрать в кладовую, а если и там не поместятся — наскоро сколотить стеллажи, — видя, что Ду Чэн и Нин Циянь молчат, Бородач немного подумал и всё же высказал своё мнение.

Нин Циянь посмотрел на Ду Чэна.

Тот кивнул:

— Сначала посмотрим, что за зима нас ждёт. Если температуры окажутся экстремально низкими, то, боюсь, даже с наступлением весны нельзя будет прокладывать кабели под открытым небом — придётся строить каркасы и крепить проводку с лампами прямо на них. Тогда, когда придёт зима, можно будет разбить теплицу поверх каркасов, заодно защитив линии от промерзания.

Остальные подумали и сошлись на том, что план здравый: не таскать же лампы туда-сюда — вешать на камни наверху, когда потеплеет, и демонтировать с наступлением холодов. Слишком много суеты.

— Снова всё переделывать, — вздохнул Нин Сяовэнь.

Накануне, выбирая продукты для обмена, они уже перевернули вверх дном все запасы в пространстве, и не успели толком навести порядок, как предстоит новая уборка.

— Пространство всё-таки слишком тесное, — пожал плечами Нин Циянь.

Бородач презрительно фыркнул:

— Ишь чего удумали! Хватит гневить небеса от избытка удачи!

Нин Сяовэнь бросил на него косой взгляд, но через пару секунд не выдержал и тоже рассмеялся.

44. Жизнь в пространстве (часть 1)

Третьего декабря первая партия переехавших из города людей вернулась в свои пещеры, а машины, доставившие их, в тот же день увезли назад тех жителей, что решили переждать зиму в университетском городке.

Ван Ян с товарищами возвращались во второй группе.

В полдень четвёртого декабря входную дверь в пещеру Нин Циянь начали яростно колотить. Предполагая, что в эти дни те как раз должны вернуться, Нин Циянь почти всё дневное время проводил внутри, греясь у глиняной печки и перенимая у Нин Сяовэня навыки кроя кроличьих шкур.

Холода наступали всё быстрее, и из заготовленных шкур нужно было как можно скорее сшить теплую одежду.

— Братец Циянь? Братец Сяовэнь? Братец Бородач? Братец Ду? Вы здесь? Мы вернулись!!

Не успел Нин Циянь сделать и шагу к двери, как раздался зычный голос Ван Яна.

— Здесь, здесь! Все здесь! — с улыбкой отозвался Нин Циянь, распахивая дверь.

Стоило ей открыться, как три окутанные морозным воздухом фигуры вихрем ввалились внутрь.

— Замёрз! — простуженно звеня зубами, Ван Ян бросился прямо к глиняной печке, заставив испуганного Нин Сяовэня тут же перехватить его.

На печке вообще-то кипятилась вода! Если он сейчас всё расплескает, кожи на теле не останется!

— Вечно ты несёшься сломя голову! Сними верхнюю надежду, сначала накиньте это.

Нин Сяовэнь отложил ножницы, сдвинул шкуры в сторону и протянул парням три пуховых жилета.

Скинув промёрзшие насквозь куртки, надев согретые у печки жилеты и зажав в руках по кружке горячей воды, гости быстро пришли в себя.

— Я так и знал, что у вас тут тепло, поэтому даже домой не пошёл — сразу к вам, а уж потом доберусь до себя, как оттаем, — покрасневшись кончиком носа, с улыбкой произнес Ван Ян.

Нин Сяовэнь беспомощно покачал головой.

— Мы же знали, что вы на днях вернётесь, и заранее прогрели ваш пещерный дом! — Нин Циянь бросил пару ломтиков имбиря в чайник с половиной бутылки колы и пояснил:

— Перед отъездом в город Ван Ян оставил им ключ от своей пещеры на случай, если по возвращении в город они потеряют собственный. С первого числа Ду Чэн и Бородач по очереди днём ходили к ним топить печь. Так долго стояли без огня, да ещё при непрекращающемся падении температуры — за пару дней пещеру не прогреть.

— Вы мои родные братья, целую-целую! — Ван Ян изобразил губами поцелуй и принялся разбрасывать воздушные поцелуи во все стороны.

Нин Циянь и Нин Сяовэнь мгновенно покрылись мурашками.

— Всё, хватит, не тошни меня! Ещё раз так кривляешься — никакой колы тебе не достанется!
— пригрозил ему Нин Циянь.

Ван Ян немедленно сделал жест, будто застёгивает рот на молнию.

— Ян Юй и остальные остались в университетском городке? — убедившись, что Ван Ян успокоился, Нин Циянь присел на стул, наконец переходя к нормальному разговору.

Кэ Чэнвэй кивнул:

— Рана Янь Юя ещё не зажила, он может бесплатно жить в медицинском корпусе университетского городка, выделенном после землетрясения. Благодаря связям нашего бывшего научного руководителя Лю Цзя устроилась туда же стажёром-врачом, а Ван Юаньюань попала в распределительный пункт — тоже стажёром-врачом.

— А кредитные баллы им начисляют как обычно? — спросил Нин Сяовэнь.

— Угу. Все трое числятся: один как пациент, двое — как госслужащие. Мало того, что баллы идут по-прежнему, так ещё и трёхразовое питание положено, вот только таких персональных зимних кредитных баллов по триста на человека, как у нас, им не дают.

Нин Циянь прикинул в уме и произнес:

— Получается, на вас троих осталось всего девятьсот кредитных баллов. Уголь для зимы придётся расходовать экономно, лучше воспользоваться тем, что холода ещё не достигли пика, и побольше заготовить хвороста, чтобы топить его вперемишку с углём.

Кэ Чэнвэй кивнул:

— Мы тоже планируем подналечь и запастись дровами, но насчёт баллов особенно не переживаем. У девчонок с собой их удостоверения личности, а удостоверение Янь Юя мы пока взяли на троих. Питанием те обеспечены, так что в кредитах мы особо не нуждаемся. В этот раз мы хотим обменять баллы со всех четырёх удостоверений на уголь — выйдет по меньшей мере тысяча сто с лишним цзиней, проблем быть не должно. А на повседневные нужды нам троим хватит и выплат на четверых.

Видя, что те уже всё распланировали, Нин Циянь успокоился.

Как только гости полностью согрелись, они ушли в свою пещеру — там тоже предстояло навести порядок, да и уголь требовалось забрать как можно раньше.

Что же до четвёрки Нин Цияня, то они с первого декабря, как только в пункте обмена открылся приём угля, ежедневно спускались вниз за порциями. Ду Чэн и Бородач за один раз уносили по триста цзиней, и спустя четыре дня вся тысяча двести баллов была успешно обменена и сложена в виде аккуратных полениц на платформе.

Строго говоря, учитывая относительно тёплое пространство и прежние запасы угля внутри него, в таком количестве топлива они не нуждались. Но брать меньше было нельзя — это вызвало бы лишние подозрения. К тому же, если зимой в пространстве и вправду станет слишком холодно и придётся устраивать теплицу во дворе, расход дров неизбежно возрастет. Чтобы избежать нехватки, было спокойнее обменять всё на положенный уголь.

Хотя Ван Ян и остальные вернулись в горы, общались соседи не слишком часто: во-первых, парни спешили накопить побольше дров, а во-вторых, стояли такие морозы, что без крайней необходимости никто лишний раз не высовывал нос из пещеры.

Поэтому четвёрка распределила время так: с рассветом они принимались за работу в пещере, а с наступлением темноты уходили в пространство. Хотя смена температур сказывалась, это позволяло организму постепенно привыкать к зимним холодам, не теряя адаптивности из-за тепличных условий пространства и не отставая от остальных людей. В конце концов, прожить всю жизнь внутри пространства невозможно — чтобы выжить, необходимо уметь приспосабливаться к внешнему миру.

— Пошёл снег, — произнес Ду Чэн, возвращаясь к глиняной печке со связкой сухого хвороста в руках.

Услышав это, Нин Циянь и Нин Сяовэнь, кроившие шубу из кроличьих шкур, подняли головы.

— Снег? На платформе всё в порядке?

Ду Чэн покачал головой:

— Пока снежинок на платформе не видно. Если поднимется сильный ветер, ручаться не стану, но наши вещи сдвинуты вглубь, ничего страшного.

Чтобы освободить место под лампы и провода, а также для свободного перемещения внутри пространства, все заготовленные ими дрова и уголь теперь были сложены на платформе в углу у самой стены пещеры. Эти материалы холода не боялись, да и если бы их занесло сильной метелью, ничего страшного не случилось бы — в крайнем случае их не стали бы использовать для топки в пещере.

— Интересно, до каких же пределов упадёт температура? — Нин Циянь отложил иголку, размял затекшие запястья и вздохнул.

Сейчас дневной максимум температуры опустился до минус десяти, а ночные минимумы давно перевалили за минус двадцать. По вечерам, если не топить лежанку, находиться в пространстве становилось тяжело.

Ду Чэн бросил сухой хворост, вытащил несколько веточек, закинул в топку, присел рядом с Нин Циянем и забрал у него из рук шитьё.

В плане шитья одежды они оба были новичками: с обычными вещами справляться ещё получалось, но толстая кроличья кожа требовала от запястий Нин Цияня немалых усилий, особенно в местах швов, где иголка пробивала материал с трудом. Поэтому, стоило Ду Чэну освободиться, он перехватывал работу. Правда, свободного времени у него оставалось мало — маленькая теплица во дворе ещё не была достроена, и если бы не утреннее сообщение Бородача о том, что речные крабы окончательно выросли, он сейчас возился бы с каркасом вместе с ним.

— Сколько ещё доделывать? — Нин Циянь вращал кистью руки, наблюдая, как Ду Чэн уверенно продолжает шить ровно с того места, где он остановился.

Поняв, что речь идет о теплице, Ду Чэн ответил:

— Каркас и печь уже готовы, как только Бородач закончит с крабами, мы вдвоём обложим периметр и натянем крышу. Думаю, максимум через три-пять дней всё будет готово к использованию.

Нин Циянь кивнул. Сидевший рядом Нин Сяовэнь принялся подсчитывать, хватит ли накопленных ранее запасов овощей до самого конца.

Ради расчистки места под будущую теплицу всю прежнюю зону посадок во дворе пришлось полностью убрать.

<http://bllate.org/book/18708/1808081>